

«Гражданское общество»: уход от идеологемы¹

С.Г. Кирдина, Институт экономики РАН, г. Москва

В мировой и российской научной литературе не прекращаются дискуссии о содержании понятия «гражданское общество». В статье обосновывается тезис о том, что ценностная обусловленность понятия придает ему статус идеологемы. Показано, что для понимания особенностей гражданского общества имеет значение базовая институциональная структура социума. Наряду с общими инвариантными характеристиками, составляющими смысл гражданского общества в современных условиях, для него характерны особенности, связанные со спецификой доминирующей в обществе институциональной матрицы. Данное утверждение обосновано историческим анализом категории «гражданское общество», современными методиками его определения и эмпирическими данными по современной России.

Историческая метаморфоза идеологемы *civil society*

Несмотря на обилие научных исследований, посвященных анализу гражданского общества, сегодня представляется более точным говорить не столько о точном термине, сколько об *идеологеме* гражданского общества. У идеологемы, в отличие от термина, как правило, нет «академически определенного» значения. Она является элементом идеологической системы и соотносится обычно с политической прагматикой стран, порождающих ту или иную идеологему.

Не раз высказывались мнения о том, что социальные теории и категории не могут не быть идеологемами, поскольку развиваются и закрепляются в определенных социально-гуманитарных контекстах и даже преследуют определенные политические цели. Показательна в этом отношении, например, история одной из популярных в современной социологии концепции модернизации, или *modernity*. Историки науки доказывают, что «она отразила стремление США интеллектуально подчинить себе страны «третьего мира», освободившиеся от прямой колониальной зависимости, и по возможности включить в сферу своего идейного влияния социалистические страны во главе с Советским Союзом» (Бокарев, 2010).

Действительно, в прочитанной 17 января 2006 г. в «Президент-отеле» (г. Москва) лекции «Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал?» Крейг Калхун следующим образом охарактеризовал идеи основоположников теории Т. Парсонса и Э.Шилза: есть традиционные страны с устоявшейся веками иерархией рангов и статусов, и есть более динамичные демократичные страны. Традиционализм препятствует экономическим и социальным изменениям, а демократическое устройство

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № № 11-02-00088а.

способствует прогрессу. Поэтому традиционные страны отстают в своем развитии, они остались в Средних веках, в прошлом. А демократические развитые страны определяют лицо современности. Миссия США и других развитых стран заключается в том, чтобы привести отсталые традиционные страны в современность (Калхун, 2006). По словам К. Калхуна, «это было основано на той аксиоме, что правительства и народы так называемых традиционных стран должны будут принять с энтузиазмом теоретические предсказания и политические предписания, которые дают им ученые из Гарварда, Оксфорда или Беркли. Поскольку считалось, что все они должны хотеть стать современными, все должны достичь уровня развития современного мира, это вытекало из самой постановки вопроса - из дихотомии между традиционным и современным миром. Центральным агентством по разработке теории модернизации был Совет по социальным наукам» (там же). На разработку и распространение этой теории, как свидетельствуют цитируемые авторы, были выделены значительные деньги из государственных и частных фондов, в частности, Фонда Форда. Деловые круги поддерживали развитие теории, поскольку справедливо полагали, что страны, принявшие теорию модернизации, примут и американские инвестиции. Для политиков было важно, что создается потенциал для большого количества рабочих мест для экспертов, отправлявшихся в страны «третьего мира» в качестве советников правительств. Несмотря на продолжающуюся критику этой теории как «изнутри», так и снаружи, она до сих пор задает один из доминирующих (наряду с теорией глобализации) дискурсов в мировой социологии.

Теория модернизации демонстрирует и другую черту социальных концепций – даже если изначально теория разрабатывается как идеологически нейтральная и общегуманитарная (предшественником Талкотта Парсонса и Эдварда Шилза называют Макса Вебера), зачастую в ходе своего развития и применения она становится идеологически ангажированной. История знает немало примеров того, как предложенные обществоведами понятия затем кардинально меняли свой смысл и становились в известном смысле идеологемами. Например, термин «революция» (от лат. *revolvere* – возвращение) в политической философии XVII века обозначал циклическую смену правителей или всей политической элиты и относился к процессу «прохождения через стадии цикла, которые, в конечном счете, ведут назад к идентичному или подобному состоянию» (Collins, 1999, с. 148). В XIX веке, прежде всего в результате работ К. Маркса, сторонника преобразования капитализма в коммунизм, революции понимаются «с точностью до наоборот» - как коренное изменение общества в ключевых аспектах в желательном для революционеров направлении. С тех пор большинство исследователей соглашались с тем, что революции относятся к фундаментальным, всеобъемлющим и многомерным изменениям,

затрагивающим саму основу социального порядка², приводящим к лучшему, чем до революции, состоянию. А теории революций стали политическими инструментами, используемыми в интересах самых разнообразных групп интересов, как внутри стран, так и за их пределами (от теории социалистической революции у большевиков в начале XX века до современных теорий демократических «цветных» революций).

Похожая метаморфоза произошла, на наш взгляд, и с определением гражданского общества, что показывает исторический анализ развития данной категории. Со времени Просвещения в понимании гражданского общества сменили друг друга две основные тенденции, одна из которых идентифицировала гражданское общество с государством, а другая – противопоставляла их друг другу.

Первая тенденция. Как известно, в Новое время концепция гражданского общества была введена в оборот трудами Томаса Гоббса и Джона Локка. Для них гражданское общество (*societas civilis*) было антитезой нецивилизованному «естественному» состоянию общества и ассоциировалось, прежде всего, с государством и системой его властных органов, создаваемых гражданами.

Действительно, вот как определял гражданское общество Т. Гоббс в своей работе «О гражданине» (ч. 3 «Основ философии», гл. 5 «О причинах возникновения государства») в 1646 г.: «Созданное таким образом единение называется *государством* или *гражданским обществом (societas civilis)* <курсив мой – С.К.>... Следовательно, государство (*civitas*), если дать ему определение, есть единая личность, чья воля на основании соглашения многих людей должна считаться волею их всех, с тем, чтобы оно имело возможность использовать силы и способности каждого для защиты общего мира» (Гоббс, 1989, с. 330).

Джон Локк, современник Гоббса, также понимал гражданское общество не как антитезу государству, но полагал, что *civil society* и есть государство, возникающее вполне определенным образом из добровольного соглашения свободных, равных и независимых граждан. Он писал в 1667 г.: "Когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует политическое, или гражданское общество, ... и это переносит людей из естественного состояния в государство" (Локк, 1988, с. 312). По мнению Локка, очевидно, что для гражданского общества, или государства, характерно добровольное признание личностью главенства общества над собой, а отнюдь не противопоставление интересов личности или групп интересам целого в лице государства.

---

² Тем не менее, в современном обществоведении есть немало исследователей, которым ближе исходная трактовка революций (подробнее см. Кирдина, 2001, с. 195-202; см. также Революция и традиция..., 1987), что мы также поддерживаем.

Таким образом, можно видеть, что характерное для Века Просвещения осознание роли и прав личности – «гражданина» - в историческом и социальном процессе означало одновременно становление и рост значимости государства. Укрепление государства, прежде всего институтов власти, обеспеченное законами, было синонимично развитию гражданского общества.

Вторая тенденция. Позже, в XVIII веке Великие шотландцы (к которым относят Дэвида Юма, Адама Фергюсона и Адама Смита) дали свое представление о гражданском обществе, как «специфическом по своему устройству и независимому от государства» (Квашницкий, 2006, с. 97). Согласно их взглядам, гражданское общество представляет собой полностью индивидуализированные и непринудительные отношения, в отличие от общественных и политических институтов государства. Как писал позже «крестный отец США» Томас Пейн, «Гражданское общество - благо, а государство - неизбежное зло. Чем совершеннее гражданское общество, тем менее оно нуждается в регулировании со стороны государства» ([http://ru.wikipedia.org/wiki/гражданское общество](http://ru.wikipedia.org/wiki/гражданское_общество)). Великие шотландцы базировали свои представления о гражданском обществе на идее о том, что именно индивид является основным элементом общества. Впервые эта мысль, как полагает Витольд Квашницкий в цитированной выше работе, была высказана голландцем Бернаром де Мандевилем в 1714 г. в его знаменитом труде «Басня о пчелах, или Частные пороки – общественное благо». Мандевилем показывал, что распространение устойчивых социальных институтов – у него речь шла о языке, законе, знании, рынке, – есть результат спонтанной самоорганизации, независимых и ненасильственных действий членов общества. Точка зрения Мандевиля на возникновение социального порядка была альтернативой взглядам Томаса Гоббса, представленным в «Левиафане». Последний полагал, что улучшение функционирования общества осуществляется через власть и признание силы правителей, для Мандевиля же оно было следствием индивидуального, децентрализованного взаимодействия всех членов общества. С этой точки зрения, самоорганизация людей, формирующая гражданское общество, является основной силой развития общества, в отличие от противостоящих ей политических институтов, характеризующих государство.

Распространенное понимание гражданского общества, попавшее и в Россию, чаще соответствует второй из упомянутых исторических тенденций. Действительно, принято, во-первых, противопоставлять гражданское общество государству, и, во-вторых, подчеркивать роль свободного индивидуального выбора при самоорганизации гражданского общества. Отмеченное «переименование» исходного (от Локка и Гоббса) понятия гражданского общества западной мыслью подробно описал в своей работе специалист в области геополитики и международных отношений Владимир Максименко. Он показал, как от идей Дж. Локка в странах Запада осуществлялся переход к пониманию гражданского общества как "общества автономных индивидов", "совокупности отношений и институтов,

функционирующих независимо от политической власти", как "общества, организованно противостоящего государственной власти" (Максименко, 1999, с. 114).

В современной трактовке гражданское общество рассматривается в непреложной связи с доминирующими, основополагающими, базовыми ценностями западных обществ. Напомним, что зачастую идеологическая и политическая обусловленность свойственны общественным наукам. Как пишет Н. Макашева, «уже ушла в прошлое методологическая схема, четко разграничивающая чистую теорию, выясняющую объективные закономерности, политику как выбор цели и, наконец, искусство как процедуры достижения целей. Признается, что не только постановка проблем и предлагаемые решения являются политически обусловленными, но и то, что политика и идеология воздействуют на науку, ее предметную область и метод исследования, и, что не менее важно, в определенной степени формируют научное сообщество...» (Макашева, 2006, с. 402). Именно «...идеология предлагает вопросы и гипотезы для изучения, служит как система фильтров, регулирующая формирование и эволюцию идей и направление мысли, и ориентирует сам процесс исследования» (Сэмюэлс, 1981, с. 667).

В исследованиях гражданского общества роль идеологии проявляется наиболее ярко. Идеология не только задает направления анализа, она сама определяет характер и содержание понятия гражданского общества, то есть делает его характерной идеологемой западного общества и носителем соответствующих ему базовых ценностей.

Проиллюстрируем это примерами типичных интегральных индексов, характеризующих состояние гражданского общества³. Так, индекс CSI (Civil Society Index) содержит четыре группы показателей, из них два - активность гражданского участия (включая ресурсы негосударственных организаций) и влияние гражданского общества на государственную политику, а два других отражают ценности и характеристики «базовых свобод» наряду с политическим контекстом. В индексе CSSI (Civil Society Strength Index) также представлены две основные группы показателей – индекс структуры гражданского общества и индекс ценностей гражданского общества. Наконец, в индексе GCSI (Global Civil Society Index) лишь два показателя из пяти (членство в организациях гражданского общества и присутствие международных неправительственных организаций) относятся к «объему» гражданскому обществу. Третий показатель - участие в политическом процессе, - характеризует развитие государственных политических институтов. Два других показателя представляют собой распространение в обществе ценностей толерантности (терпимости).

---

³ Подробное описание проектов, исследующих названные индексы, можно прочесть в работе: Либман А.М. (2010). Межстрановые сопоставления институтов гражданского общества: эмпирический анализ. / Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. Санкт-Петербург: Алетейя.

Другими словами, налицо «ценностная нагруженность» методики расчета приведенных индексов, что косвенно подтверждает присущий определению гражданского общества характер *идеологемы*. Продолжая анализ методологического аспекта, следует обратить внимание также на то, что в социологии, как в целом в современном обществоведении, метод анализа все чаще становится определяющим по отношению к предмету (Макашева, 2006, с. 420). На наш взгляд, приоритетность метода анализа по отношению к изучаемому феномену зачастую имеет место и при исследовании гражданского общества. Оно изучается с помощью заранее заданных понятий и методических подходов, сформированных для конкретного культурного и институционального контекста. Речь идет о специфике структурообразующих ценностей и институтов тех обществ, в которых зародилась и развивалась как сама доктрина гражданского общества, распространяемая нынче за пределы этих стран.

Томас Гоббс и Джон Локк - основоположники доктрины, - были английскими философами, представившими свои теоретические творения в одной из цитаделей западной цивилизации. Именно здесь их труды, получившие затем распространение во всем мире, изучались и развивались. В ходе применения идей гражданского общества в практике социального развития стран Европы, а затем и США, постепенно происходила своеобразная «притирка» заявленных идей к социальной практике. В ходе исторической адаптации шло приспособление социологической доктрины к институциональным основам, значимым для эволюционной модернизации обществ западного типа.

Родоначальниками такой адаптации выступили уже упоминавшиеся А. Смит, Д. Юм, А. Фергюсон, продолжили же адаптацию их современные последователи. В результате понятие гражданского общества, как это характерно для многих понятий социальных наук, становится элементом идеологической системы, частью характерной для западных обществ идеологии и тем самым увязывается с системой доминирующих в обществе институтов, в том числе и с властными институтами. Понятие гражданского общества приобрело отчетливый ценностной оттенок.

В середине XX века Дж. Гэлбрейт определенно указывал на связь целей развития общества и общественных научных теорий (он писал, в частности, об экономической теории). Гэлбрейт подчеркивал то содействие, которое теория оказывает осуществлению власти и дает обществу некое «принятое представление». Это представление может не совпадать с реальностью, но оно существует и «используется как заменитель реальности для законодателей, государственных служащих, журналистов, телевизионных комментаторов, профессиональных пророков – фактически всех, кто выступает, пишет и принимает меры...» (Гэлбрейт, 1976, глава 1, п. 2).

Научное знание в социальных науках, таким образом, сохраняет свое оценочное содержание, обусловленное не только личностью исследователя, о чем писал в свое время Нильс Бор, введший в оборот «принцип дополнительности» (Бор, 1961, с. 18), но и общественным контекстом. Это,

на наш взгляд, следует принимать во внимание при изучении «гражданского общества» в тех странах, которые заимствуют эту концепцию, в том числе и в России.

Это осознание требует разделения в понятии гражданского общества, с одной стороны, общегуманитарных черт, а, с другой стороны, тех характеристик, которые обусловлены вписанностью в определенный культурный и институциональный контекст.

Институциональные основания «гражданского общества»

Расширение возможностей участия все более широких слоев населения в социальной жизни представляет собой общемировое явление, соответствующее складывающемуся вектору общественного прогресса. «Гражданское общество» представляет собой одно из выражений такого участия. Ему свойственны характеристики, не зависящие от специфики институционального устройства того или иного государства, а именно:

- «гражданское общество» представляет собой тип социального действия «на стыке» экономики, государства и сферы частной жизни в пространстве союзов, ассоциаций, социальных движений, оно характеризуется высокой степенью самоорганизации (Кока, 2003, с. 56);

- действия «гражданского общества» ориентированы на общие вопросы и достижение общего блага, независимо от того, как это благо понимают лица, действующие от «гражданского общества»;

- «гражданское общество» представляет собой комплекс общественных отношений со сложной внутренней структурой, включающей хозяйственные, религиозные, правовые, этнические и др. связи;

- функционирование «гражданского общества» предполагает наличие принятых и устоявшихся конституционных и правовых норм, легитимизированных общественным сознанием. Чтобы реализоваться, «гражданскому обществу» необходимы политические учреждения, которые определяют правовые рамочные условия и возможность участия граждан в политике и принятия решений. Доступ гражданско-общественных инициатив к политической системе является центральным условием функционирования «гражданского общества».

В последние годы «гражданское общество» понимается уже не как антитеза государству, но как его партнер. Эти новейшие тенденции в понимании «гражданского общества» уже зафиксированы в англоязычной литературе. Не столько как альтернативу, но как уравнивающую силу и дополнение к государству предлагает рассматривать «гражданское общество» польский исследователь Pawel Zaleski (Zaleski, 2006). О роли государства как условия «гражданского общества» еще в 1996 г. писал ученый из Великобритании Alan Whaites (Whaites, 1996)⁴. Повторяя слова

---

⁴ Эта новейшая тенденция зафиксирована в исследованиях зарубежных авторов и еще не принята широким сообществом российских ученых, что становится очевидным при сопоставлении статей о гражданском обществе в Википедии на русском и английском языках. Последняя фиксирует эту тенденцию, в то время как русскоязычная Википедия - пока нет.

Юргена Коки, можно сказать: «сильное гражданское общество нуждается в сильном государстве, и наоборот» (Кока, 2003, с. 59). Поэтому отношения между гражданским обществом и государством целесообразно определить как «отношения критического партнерства и взаимной поддержки» (там же).

Важной, не зависящей от культурного и институционального контекста, чертой «гражданского общества» является также то, что инициативы «гражданского общества» являются важнейшей частью институциональных изменений. В рамках «гражданского общества» апробируются необходимые для общественного развития нормы и правила, которые в дальнейшем – если это оказывается целесообразным, – закрепляются на уровне создания новых политических, экономических и идеологических институциональных общегосударственных форм, то есть становятся новыми институтами. Примером является закрепление в экономическом законодательстве такой организационно-правовой формы, как «некоммерческие организации». В настоящее время они являются важнейшим общепризнанным каналом деятельности «гражданского общества».

Но, помимо общих черт, в функционировании «гражданского общества» существуют особенности. Оставляя за пределами данной статьи цивилизационные и культурные факторы, обратимся к структурам базовых институтов, сложившихся в разных государствах. Можно увидеть, что формы, особенности и перспективы становления и развития «гражданского общества» (или участия граждан в общественной жизни) определяются спецификой институционального устройства страны. Прежде всего, это определяется тем, доминирует ли в институциональной общественной структуре либо Х-, либо Y-институциональная матрица⁵.

Функционирование «гражданского общества» связывают, как правило, с определенной институциональной структурой, а именно, с доминированием Y-матрицы. Не случайно «гражданское общество» часто понимается как «феномен западной цивилизации».

Каковы экономические институциональные основания «гражданского общества»? Прежде всего, как отмечает Ю.Кока, «гражданскому обществу нужен рынок. При отсутствии типичной для функционирования рыночной экономики децентрализации экономических решений и экономической власти гражданское общество сильно проигрывает» (Кока, 2003, с. 59). Рынок служит экономической основой «гражданского общества»⁶. Более того, экономическое устройство рыночного типа является условием индивидуальной свободы, оно, по мнению классиков западной общественной

---

⁵ О теории институциональных матриц см. Кирдина, 2001; 2004, 2011; Институциональных матриц теория, 2010; Матрица институциональная в социологии, 2003; Kirdina, 2010 и др.

⁶ Характерны названия тем диссертационных работ, в которых фиксируется эта связь, например, «Рыночная организация гражданского общества», «Гражданское общество как условие становления рынка», «Рыночная трансформация российского гражданского общества» и др.

и экономической науки, обеспечивает одновременно свободу политическую и гражданскую (Friedman, 1982, p. 11, Хайек, 1992, с. 81-82).

Важнейшим институтом рыночной Y-экономики является *институт частной собственности*, которая выступает мерой и гарантом экономической свободы. Действие института частной собственности способствует пониманию границ «своего» и «чужого», ориентирует субъекта осознавать и защищать свои права. В ходе экономической деятельности в рамках института частной собственности нарабатываются социальные практики, которые затем переносятся в общественную жизнь за пределами хозяйственной деятельности. Следующий институт рыночной экономики - *институт наемного труда* - формирует у субъектов экономический доход, находящийся в их полном распоряжении, тем самым создавая материальную базу для независимых форм социальной активности и самоорганизации социальных групп. В свою очередь, *институт конкуренции* предполагает постоянные сопоставления усилий и результатов между экономическими агентами и борьбу за реализацию собственных стратегий. Это закрепляет навыки стремления к реализации своих интересов в условиях, препятствующих движению к декларированным целям. Далее, *институт возрастания прибыли (Y-эффективности)* стимулирует к получению осознанного, измеримого результата, что также усиливает стремление людей к постоянному улучшению своего положения и достижению заданных целей. В связи с этим приведем замечательное наблюдение Парсонса, показавшего, как действует институт прибыли, определяя направленность человеческих действий. Он пишет: "Так, если взять наиболее известный пример - "мотив прибыли", играющий столь важную роль в экономических дискуссиях, то он вовсе не является психологической категорией. Верный взгляд, скорее, состоит в том, что система "свободного предпринимательства" в экономике, основанная на деньгах и рынке, определяет ситуацию и поведение от делового предприятия до человека таким образом, что люди стремятся к прибыли как условию выживания и мере успеха своей деятельности. Следовательно, какие бы интересы не руководили индивидом, будь то достижение, самоуважение, восхищение со стороны других и т.д., не говоря уже о том, что можно купить за деньги, - все они превращаются в деятельность по производству прибыли" (Парсонс, 1998, с. 46). Производство прибыли, или получение нового результата становится определяющим направлением любой социальной деятельности.

Помимо экономических институтов, специфика «гражданского общества» западных стран определяется также доминирующими в Y-матрице политическими и идеологическими институтами (подробнее см. Кирдина, 2011a), что определяет его как элемент демократического устройства, основанного на либеральных ценностях.

Отмеченные институциональные основания «гражданского общества» предполагают необходимость развития соответствующих институтов в государствах, ставящих цели создания эффективного «гражданского общества». Другими словами, становление «гражданского общества» в

общепринятом смысле предполагает необходимое доминирование базовых институтов, соответствующих Y-матрице. Именно в такой институциональной среде складывается характерное «гражданское общество», которое представляет собой активность социальных групп по созданию объединений для реализации своих групповых интересов «за пределами» государственных институтов.

От «гражданского общества» к «гражданскому участию»

Итак, понятие «гражданского общества» имеет выраженный аксиологический статус, его справедливо считать идеологемой, соответствующей типу обществ с доминированием институтов Y-матрицы. Поэтому применение понятия «гражданское общество» вне данного институционального и идеологического контекста вряд ли следует признать целесообразным. В то же время «гражданское общество» служит одним из выражений реальных процессов, обозначением сферы деятельности граждан за пределами частной жизни, их готовности и возможности активно участвовать в происходящих социальных процессах.

Мы предлагаем обозначить эту активность населения более подходящим для российских условий термином «гражданское участие». Отметим пять преимуществ такого определения по сравнению с идеологически нагруженным понятием «гражданского общества».

Во-первых, в нем сохраняется ключевая особенность явления, выраженная в понятии «гражданского общества», то есть самоорганизации граждан для достижения целей общего блага.

Во-вторых, в таком определении не содержится противопоставления подразумеваемой самодостаточности гражданского общества всему «остальному» обществу. Термин *гражданское участие* подчеркивает включенность анализируемых действий в общесоциальный контекст как необходимой составной части.

В-третьих, отказ от использования в определении слова «общество» в пользу слова «участие» подчеркивает роль гражданских инициатив как промежуточной фазы, предшествующей формированию политических и иных институтов. Предложенные в ходе самодеятельности населения те или иные формы защиты интересов граждан, а также процедуры воздействия на имеющиеся правила с целью их коррекции в пользу большинства населения, предполагают - если их апробация окажется успешной – дальнейшую их легитимизацию и институционализацию, а также совершенствование тех институтов, с которыми граждане взаимодействуют.

В-четвертых, преимущество термина *гражданское участие* особенно актуально в российском контексте. Вспомним известное выражение из пушкинского «Бориса Годунова»: «народ безмолвствует». Более 150 лет оно выражает приговор общественной системе, где население недостаточно активно участвует в политической и экономической жизни. Но без этого участия трудно обеспечить необходимое разнообразие форм общественного развития, составляющего императив современной цивилизации. Неучастие

граждан в социальной жизни ослабляет также механизмы обратной связи, важные для корректировки фактических и предлагаемых трендов, повышает социальные издержки проводимых преобразований, не позволяет задействовать личностный и групповой потенциал для улучшения жизни в обществе.

Еще на один социологический аргумент в пользу выбора иного термина хотелось бы обратить внимание. Из теории социальной идентичности известно, что в случае неполной идентификации группы А с социальными категориями другой группы (являющейся референтной или находящейся в большинстве) у группы А могут возникать отрицательные социальные идентичности. В нашем случае группа А – это Россия, а другая группа – западные страны. Примеряя к России категорию «гражданское общество» и не находя в стране исчерпывающего проявления соответствующих характеристик, российское общественное сознание может проникаться негативными оценками, вплоть до комплекса «национальной неполноценности» (отрицательная социальная идентичность).

Но социальным субъектам, независимо от их масштаба, свойственно стремление к положительной социальной идентичности. Выявлено, что для ее достижения реализуются различные стратегии (подробнее см. Tajfel, Turner, 1986). Во-первых, может использоваться стратегия «социальная конкурентность», когда группа А бросает вызов или вступает в прямой конфликт с группой большинства или референтной группой. Такая стратегия была характерна для российского (советского) общества во времена холодной войны, когда ценности господствующей идеологии нашей страны воинственно противопоставлялись «западным ценностям».

Во-вторых, в качестве стратегии возможна «социальная мобильность», когда субъекты стремятся оставить группу А и переместиться в группу большинства (референтную группу). В этом направлении работает значительная часть современных исследователей, обращающих внимание на недостаточность проявления свойств гражданского общества в нашей стране. Как правило, они призывают развивать необходимые характеристики гражданственности как путем воспитания и образования, так и призывая внедрять их «сверху» через создание необходимых условий⁷. Тем самым, на их взгляд, окажется возможным перемещение России в соответствующую референтную группу. Не отрицая принципиальной возможности такой стратегии, отметим, однако, что политика «догоняющего развития» применяется в нашей стране уже не одно столетие. И до сих пор она не позволила России сравняться со странами Европы по набору значимых для последних показателей базовых общественных ценностей (в понимании европейцев мы по-прежнему «иные»).

---

⁷ См., например, доклад «Демократия: развитие российской модели», 2008, с. 5 : «проект развития демократической модели в России должен начинаться с «импульса сверху», но станет успешным лишь в том случае, если этот импульс «разбудит» к активной гражданской позиции большинство российского общества».

Наконец, третья стратегия определяется как «социальное творчество». Она заключается в том, чтобы изменить, пересмотреть значимость, ценность параметров сравнения и тем самым переместить фокус сравнения. Данная стратегия заключается в переформулировке значимых для социального субъекта характеристик развития и затем идентификации себя с ними, а не с теми, которые характерны для референтной группы или группы большинства. Предлагаемый нами переход от не очень «подходящего» для нас понятия «гражданское общество» к термину *гражданское участие* реализует именно эту стратегию.

Следует отметить, что предложение исключить термин «гражданское общество» из научного дискурса, в силу неопределенности его по отношению к России, уже высказывалось некоторыми исследователями (Солонин, 2002, с. 78-79.). Но адекватной замены этому термину не было предложено, хотя наличие форм гражданской активности российского населения исследователями, как правило, не оспаривается. Возможно, термин *гражданское участие* может послужить такого рода заменой.

«Гражданское участие» в России

Формы, особенности и перспективы «гражданского участия» определяются спецификой базовой институциональной структуры российского общества, где доминирующее положение занимают институты X-матрицы (редистрибутивная экономика, унитарное политическое устройство и коммунитарная идеология), в то время как институты Y-матрицы (рыночная экономика, федеративное политическое устройство и индивидуалистическая идеология) являются дополнительными, комплементарными.

Особенностью действия экономических институтов редистрибутивной X-экономики (к которым относятся условная верховная собственность, редистрибуция, кооперация, служебный труд и ограничение издержек, или X-эффективность) является иное положение экономических субъектов по сравнению с рыночной институциональной средой. Они отличаются не столько независимостью и самостоятельностью, сколько включенностью, «вложенностью» в хозяйственные структуры. Такая «неотделенность» определяет специфику массового экономического поведения, предполагающего не столько борьбу, сколько сосуществование с этими структурами.

Институциональная среда России с доминированием институтов X-матрицы формирует также определенные идеологические предпосылки населения, его ценности в сфере гражданских прав и свобод. Приведем некоторые данные опросов населения, проведенные Левада-Центром «Общественное мнение» в различные годы.

Прежде всего, посмотрим, как граждане России оценивают роль гражданской активности в том, чтобы обеспечить в стране лучшую жизнь (Табл. 1).

Таблица 1. ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, МОЖЕТ СКОРЕЕ ОБЕСПЕЧИТЬ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИИ?

Варианты ответа	Декабрь 2004	Декабрь 2005	Декабрь 2006	Декабрь 2009
Укрепление «вертикали власти»	31	31	29	31
Укрепление гражданских прав и свобод, гражданского общества	42	38	42	48
Ни то, ни другое	13	14	11	8
Затруднились ответить	14	17	18	12

Левада-центр. Пресс-выпуск 21.01.2010. Что такое демократия и нужна ли она России?

Можно видеть, что около половины населения полагают, что «укрепление гражданских прав и свобод, гражданского общества» может скорее всего обеспечить благополучие России, и эта доля монотонно подрастает. Тем не менее, около трети населения устойчиво считают, что этому, скорее всего, может способствовать «укрепление «вертикали власти».

А как возникают общественные движения и инициативы в современной России? Ответы на этот вопрос представлены в табл. 2.

Таблица 2. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БОЛЬШИНСТВО ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ, ИНИЦИАТИВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВОЗНИКАЕТ...

	Июнь 2008	Июнь 2010
по частному почину граждан, "снизу", независимо от власти или иных политических сил	14	13
по инициативе власти	32	30
по инициативе иных политических сил, находящихся в оппозиции власти	21	22
по инициативе внешних сил, заинтересованных в определенном развитии России	11	13
затруднились ответить	22	22

Левада-центр. Пресс-выпуск 25.06.2010. Проблема общественно-политического участия.

Граждане страны полагают, что по частному почину, «снизу», независимо от власти или иных политических сил возникает лишь 13% (здесь и ниже – данные за 2010 год) общественных инициатив и движений. Основными организаторами общественной активности население считает органы власти (30%) и иные политические силы и оппозиционные партии (22%). Еще 13% считают, что общественные движения инспирированы внешними силами. Обращает на себя внимание относительно высокая доля тех, кто затруднился с ответом (22%).

По-видимому, в общественном сознании российских граждан существует определенный образ социума, в котором активная роль традиционно принадлежит не столько самодеятельному населению, сколько действующим государственным институтам. В обоснование этого

предположения приведем следующие ниже данные. В таблице 3 представлены ответы на вопрос о желательном типе государства, а в таблице 4 – о предпочитаемых принципах устройства общества.

Таблица 3. ГОСУДАРСТВОМ КАКОГО ТИПА ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ РОССИЮ?

	Март 1998	Февраль 2006	Февраль 2010
Единым централизованным государством с руководителями местной власти, назначаемыми из Центра	25	41	46
Государством с самыми широкими правами местных властей и центральной властью, координирующей их интересы	52	39	36
Затруднились ответить	23	20	19

Левада-центр. Пресс-выпуск 16.03.2010. Отношения общества и государства в глазах россиян.

Общая тенденция предпочтений, представленных в таблице 3, имеет отчетливо выраженный тренд в сторону централизации власти. Это не удивительно, поскольку отражает в общественном сознании доминантное положение института иерархической вертикали власти во главе с центром в системе политических институтов России. Кроме того, таким образом выражается характерная для России "вертикальная" социальность иерархизированного общества (Малявин, 1995, с. 303), присущая ей коммунитарная идеология, при которой горизонтальные отношения между личностями и социальными общностями в определенной мере вторичны по отношению подчиненности интересов личности "миру, который включает в себя локальную общность, срод, но также весь народ, человечество и даже Вселенную" (Ахиезер, 1997, с. 82). Высший уровень иерархии в этих условиях представляет собой ценность более высокого надличностного порядка, что придает особый смысл верховной общественной власти.

И какова же, по мнению населения, основная функция этой власти? Об этом можно судить по ответам, представленным в следующей таблице.

Таблица 4. НА КАКОМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПРИНЦИПОВ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ДОЛЖНО БЫТЬ УСТРОЕНО ОБЩЕСТВО, В КОТОРОМ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ЖИТЬ?

	Ноябрь 2001	Февраль 2006	Декабрь 2006	Декабрь 2007	Декабрь 2010
Власть должна заботиться о людях	66	68	74	66	65
Люди должны иметь возможность добиваться от власти того, что им нужно	33	28	21	30	29
Затрудняюсь ответить	3	4	5	4	6

Левада-центр. Пресс-выпуск 14.01.2011. О взаимоотношениях власти и общества.

Ответы на вопрос о том, какие принципы устройства общества являются для россиян наиболее желательными, показывают устойчивую тенденцию: две трети полагают, что власть должна заботиться о людях, и не более трети считают, что люди должны сами добиваться от власти того, что нужно. Данные подтверждают вывод экспертов Института современного развития при Президенте России о том, что «социальная база для политического плюрализма в виде многочисленного и сознавшего свои интересы «среднего класса» и сильного гражданского общества остается недостаточно развитой» (Демократия:..., с. 12).

Активизируется ли гражданское участие само или необходимо ему содействовать»? Показательно мнение известного российского либерала и демократа В.Л. Шейниса. Даже он сегодня полагает, что «рассчитывать на чисто низовое движение, которое все опрокинет, которое пробьет себе дорогу, на мой взгляд, нереалистично и, кроме того, еще и безнравственно. Поэтому, в принципе, импульс сверху крайне необходим» (Демократия:, с. 70). С ним согласно и массовое сознание. Авторы доклада «Демократия: развитие российской модели» (2008) приводят следующие данные: 75% респондентов полагают, что процессу демократических преобразований способствуют президент и правительство России (с. 56).

Для того, чтобы представить себе, в каких именно формах может существовать «сильное гражданское общество» по-русски, необходимо вновь обратиться к имеющимся институциональным основаниям, к матрице доминирующих институтов. Одной из основных функций гражданского участия является его способность выступать в качестве механизма обратной связи, способность обеспечивать передачу сигналов в систему политических властных институтов. В условиях российского иерархически устроенного общества эта функция становится особенно актуальной. Гражданское участие позволяет корректировать, модифицировать, изменять институциональные формы, программы, правила таким образом, чтобы они более соответствовали интересам населения.

Исходя из этих свойств гражданского участия, наиболее востребованная «ниша» для его проявления, на наш взгляд, связана с таким характерным для X-матрицы политическим институтом, как *институт обращений по инстанциям*. Именно этот институт в системе политических институтов унитарного устройства, доминирующих в России, выполняет функции обратной связи. Поэтому трансляция обращений по инстанциям иерархической политической структуры и через эту деятельность – включенность в процесс управления и выполнение необходимых контролирующих функций, может служить одной из важнейших форм «гражданского участия» в России. Этот вывод поддерживают, на наш взгляд, и исследования юристов, посвященных анализу гражданского общества в России. Наши юристы также подходят к гражданскому обществу не как идеологеме, характерной для западных стран, но с учетом специфики сложившихся в стране институциональных особенностей. Главными из них являются обеспечение целостности и интеграции общественных институтов,

с одной стороны, и важная роль государства в организации социальной жизни, с другой стороны.

Поэтому при определении функций гражданского общества в России юристы отмечают его направленность – в системе всего комплекса общественных институтов – на достижение целей социальной интеграции. Основными политическими функциями гражданского общества российские юристы полагают легитимацию государственной власти, общественно-политический контроль за принятием и реализацией государственных решений, участие негосударственных институтов в процессе принятия и реализации решений посредством вовлечения общественности в правотворческий и правоприменительный процесс, делегированное осуществление государственных монопольных прав (Гаврилов, 2007). Поэтому в России можно говорить о формировании «особого типа демократической легитимности, то есть процессе легитимации государственной власти гражданским обществом на рациональной, регламентированной правовыми нормами основе» (там же).

Основными средствами общественно-политического контроля в Российской Федерации, то есть гражданского участия, полагаются также деятельность общественных палат, консультативных общественных советов, публичные мероприятия, петиции. Еще одной важнейшей формой деятельности является непосредственное участие индивидов и их организаций в деятельности государства на всех стадиях механизма государственно-правового регулирования общественных отношений, что осуществляется в двух формах: содействия государственным институтам и делегированном осуществлении государственно-властных полномочий. Другими словами, «гражданское общество по-российски» - это соучастник процесса государственного управления, содействие защите не групповых, но общих интересов, содействие интеграции, а не расколу социума.

Таким образом, в исследованиях российских юристов речь идет о специфической роли гражданского общества в России, подчеркивается его значение как «соисполнителя» функций управления страной наряду с государственными властными структурами. Институт обращений предоставляет легитимизированные каналы активного гражданского участия населения в социальной жизни. Не столько развитие некоммерческих организаций - тоже важное, хотя и менее характерное для страны явление, сколько *включенность граждан в процессы артикуляции проблем перед государственными институтами с контролем исполнения властных обязательств - магистральный, на наш взгляд, путь развития гражданского участия в нашей стране*. Оно сможет содействовать укреплению одного из базовых доминантных политических институтов присущей нам X-матрицы – институту обращений по инстанциям с его функцией механизма обратной связи в политической системе. А укрепление доминантных институтов – один из путей стабилизации социальной ситуации и уменьшения «сил трения», препятствующих пути дальнейшего развития.

Литература

- Collins (Большой толковый социологический словарь)/ Пер. с англ. Т. 2 (П-Я). - М.: Вече, АСТ, 1999.
- Friedman M. (1982). *Capitalism and Freedom/ With the assistance of Rose D. Friedman.* Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Kirdina S. Prospects of Liberalization for S&T Policies in Russia: Institutional Analysis // *Sociology of Science and Technology*, 2010, vol. 1, № 2.
- Tajfel, H. and Turner, J. C. (1986). The social identity theory of inter-group behavior. In S. Worchel and L. W. Austin (eds.), *Psychology of Intergroup Relations*. Chigago: Nelson-Hall.
- Whaites A.(1996). Let's get civil society straight: NGOs and political theory. / *Development in Practice*, Volume 6, Issue 3 August..
- Zaleski P.(2006). Global Non-governmental Administrative System: Geosociology of the Third Sector, In: Gawin, Dariusz & Glinski, Piotr [ed.]: "Civil Society in the Making", IFiS Publishers, Warszawa 2006 society.
- Ахиезер А.С. (1997). Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. - Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Бокарев Ю.П. (2010). Теории модернизации и экономическое развитие. Электрон. данные www.perspektivy.info/.../teorii_modernizacii_i_ekonomicheskoe_razvitije_2010-04-13.htm -
- Бор Н. (1961). Атомная физика и человеческое познание. М: Изд-во иностранной литературы.
- Гаврилов А. В. (2007). Государство и гражданское общество: Функциональный анализ взаимодействия. Автореферат дисс....канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2007.
- Гоббс Т. (1989). Сочинения в 2 т. Т.1. М. Мысль.
- Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М: Прогресс, 1976. <http://exsolver.narod.ru/Books/Econom/Gelbreit/c1.html>
- Институциональных матриц теория (2010). / Социологический словарь. / Отв. редакторы Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М: ИНФРА-М. С. 153-154
- Калхун К. (2006). Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал [Электронный ресурс] // Сайт Института общественного проектирования (ИНОП). - 2005-2006. - Электрон. данные <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc>
- Квашницкий В. (2006). Истоки эволюционной экономики [1996]. / Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Кирдина С.Г. (2001). Институциональные матрицы и развитие России. Изд. 2-е. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Кирдина С.Г. (2004). Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация. // *Вопросы экономики*, 2004, № 10.
- Кирдина С.Г. (2011). Институциональные основы гражданского общества. / *Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика*. Санкт-Петербург: Алетейя.

- Кирдина С.Г. (2011а). От «гражданского общества» – к «гражданскому участию». / Гражданское общество и экономическое развитие. Санкт-Петербург: Алетейя (в печати).
- Кока Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе // Неприкосновенный запас. 2003. №3 (28).
- Либман А.М. (2010). Межстрановые сопоставления институтов гражданского общества: эмпирический анализ. / Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Локк Дж. (1988). Сочинения: В 3-х т. М: Мысль.
- Малявин В. (1995). Россия между Востоком и Западом: третий путь?// Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. - М.: Аргус. Т. 3.
- Макашева Н. (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е гг.): революция и рост научного знания. / Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
- Максименко В. (1999). Идеологема *civil society* и гражданская культура. // Pro et Contra. Зима.
- Матрица институциональная в социологии (2003). / Социологическая энциклопедия», М: Мысль, т. 1.
- Парсонс Т. (1998). Система современных обществ. М: Аспект Пресс.
- Революция и традиция в странах Азии: реферативный сборник (1987). М: АН СССР. ИНИОН.
- Солонин Ю.Н. (2002). Гражданское общество в российском исполнении /Гражданский форум. Вып. 2. С-Пб: ИС РАН, Санкт-Петербургский филиал.
- Сэмюэлс У. (1981). Идеология в экономическом анализе. // Современная экономическая мысль. / Под ред. С. Вайнтрауба. М: Прогресс.
- Хайек Ф. А. фон. (1992). Дорога к рабству. - М.: Экономика.